

попала в верхнюю часть ноги, ошиблась на несколько вершков, и теперь опять надо жить. Война и плен не оказали на меня почти никакого влияния. Только заметно постарел. По-прежнему недоволен собой, по-прежнему всё собираюсь зажить новую, другую жизнь, круто измениться. Но уже не верю, как прежде, в возможность этого. Главное, я теперь убедился, что внешние обстоятельства мало имеют на нас влияния. А какие надежды были на них!» (Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ. Фонд А. П. Скафтымова).

¹³ Речь идет о книге В. В. Розанова «Уединенное» (СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1916).

¹⁴ См.: Розанов В. В. Несовместимые контрасты жизни: Литературно-эстетические работы разных лет / В. В. Розанов. М., 1990. С. 501.

¹⁵ На обложке школьной тетради, в которой писался дневник, рукой А. П. Скафтымова написаны слова: «Передать Олечке».

¹⁶ Сын А. П. Скафтымова Павлуша (25 сентября 1918 – 11 марта 1937) окончил в Саратове среднюю школу № 43, был увлечен музыкой, поступил на механико-математический факультет Саратовского университета. Будучи студентом первого курса, он неожиданно заболел туберкулезом (заразился от товарища, с которым вместе готовились к экзаменам) (Сообщено К. Е. Павловской).

¹⁷ Имеется в виду бабушка Павлуши, мать О. А. Скафтымовой – Юлия Михайловна Знаменская (урожд. Сахарова).

¹⁸ Павлуша лечился от туберкулеза в санатории в Крыму. Адрес Скафтымовых в Саратове: Камышинская (ныне – Рахова), 111, кв. 4.

¹⁹ О. А. Скафтымова в это время отбывала срок в Карагандинских лагерях.

²⁰ Ныне тубдиспансер, находится на углу ул. Вольской и Мичурина в бывшем губернаторском доме.

²¹ А. П. Скафтымов ездил к жене в Караганду летом 1936 г.

²² Экссудат – патологическая жидкость, образующаяся в легком.

²³ Лаврищев – работник облздравотдела. М. М. Скибицкая – преподаватель вокала в Саратовской консерватории (Сообщено К. Е. Павловской).

²⁴ Речь идет о спонтанном пневмотораксе, о самопроизвольном патологическом скоплении воздуха в плевральной полости без нарушения герметичности грудной клетки. Основная причина этого процесса – туберкулез легких. Скоротечная болезнь Павлуши считалась в то время неизлечимой.

²⁵ Григорий Павлович Воскресенский – врач, муж сестры А. П. Скафтымова Александры Павловны.

²⁶ Феня – Ф. П. Драганова, домработница Скафтымовых.

²⁷ Ср.: «Каждое лицо имеет свою неудовлетворенность, свой круг индивидуально-внутренней сосредоточенности, не разделяемой окружающими и чуждой для них. Поэтому жизнь каждого протекает как бы в двойном процессе. Каждый, общаясь с другими, живет только вполнину и в общей жизни участвует лишь частью, и притом наиболее верхней частью своей души, а то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, никому не нужным и неосуществленным» (Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 357).

²⁸ Имеется в виду Ермолай Лопухин, персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад».

²⁹ А. П. Скафтымов принимал участие в подготовке издания: Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т. 11; М., 1949. Т. 12 и 13.

³⁰ К дневнику приложена вырезка «Письмо в редакцию» из саратовской газеты «Коммунист»: «Приношу глубокую благодарность всем учреждениям, общественным организациям, друзьям и знакомым, выразившим мне и моей семье внимание и сочувствие по поводу постигшего меня горя – смерти сына, А. П. Скафтымова».

Публикация В. В. Прозорова,
подготовка текста и примечания А. А. Гапоненкова

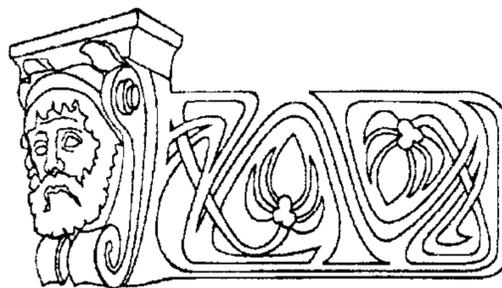
УДК 882.09+929 Скафтымов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К. Е. Павловская

«Тоскую я. Болит душа», – так кратко определил своё состояние автор дневника, запечатлевшего трагические события, происшедшие в его семье в течение двух лет: 1935 г. – неожиданный арест Ольги Александровны, вслед за этим тяжелая болезнь их сына Павлуши, а в 1937 г. его смерть. Сразу оговоримся об условности названия публикуемого материала: это не дневник в при-

вычном понимании этого термина, а неотправленные письма жене, отбывавшей пятилетний срок ссылки в Карагандинском лагере. Каждое письмо датировано с точностью до часа написания, в каждом – отчет о состоянии Павлуши после очередной встречи с ним. Эти трагические письма не должны были быть отправлены Ольге Александровне, и муж и сын тщательно скрывали от неё

страшную правду. Александр Павлович писал их для себя – нельзя было держать в себе столько боли и отчаяния.

Весь дневник уместился на 12 листах тонкой школьной тетради. Записи делались карандашом после каждого свидания с сыном. На обложке тетради: «Передать Олечке». Почему «передать» и когда? Ответ на последней странице – «На случай моей смерти» – и даже последнее письмо адресовано ей.

Первые три листа в форме единого текста датированы 2/1 1937 г. Это рассказ о состоянии Павлуши после четырехмесячного пребывания его в Крыму (Ялте), где он проходил курс лечения, а далее, начиная с 23 февраля, почти ежедневные записи (их 13), а в некоторые дни – по 2–3 с указанием часов, которые Александр Павлович провел с Павлушей. Шаг за шагом отец вместе с сыном проходил его крестный путь. И последняя запись – 10 / III, ночь: на рассвете Павлуши не стало.

Казалось, ничто не предвещало трагического поворота в жизни семьи Скафтымовых до 1935 г.: от полного благополучия, прежде всего душевного, до непередаваемых страданий, безысходности, беспомощности всех её членов перед обрушившимися на них испытаниями. Ольга Александровна, преподававшая французский язык в пединституте и пользовавшаяся в коллективе любовью и уважением (её портрет висел на Доске почёта), неожиданно в марте 1935 г. была арестована и «осуждена за участие в контрреволюционной группе и заключена в Карагандинском исправительно-трудовом лагере на 5 лет»¹. Повод – донос одной из её коллег в органы о том, что Ольга Александровна в молодости жила в Париже, где окончила Сорбоннский университет. И этого в те времена было достаточно для принятия «соответствующих мер»!

Буквально за несколько дней до ареста Ольга Александровна пришла к моим родителям М. С. и Е. Т. Павловским (наши семьи уже много лет были дружны и очень часто общались) и сказала, что она предчувствует, что с ней должно произойти что-то плохое, и просила «присмотреть за Павлушей».

Вскоре после её ареста он заболел туберкулёзом, заразившись от своего универ-

ситетского товарища (Макарова). Психологический стресс, вызванный непониманием и категорическим неприятием того, что произошло с его мамой, способствовал быстрому развитию болезни и, несмотря на все усилия близких и врачей, он буквально «сгорел» за два года. На рассвете 11 марта Павлуши не стало. В эти же часы Ольга Александровна, ничего не зная о его болезни, идя по далёкой казахстанской степи на очередную дойку коров (в лагере она работала на ферме учетчицей), вдруг услышала голос сына, звавшего её, увидела его, бегущего ей навстречу... Шедшие вслед за ней доярки (тоже заключенные) нашли её распростёртую на земле, без сознания, ослепшую. На руках они отнесли её в лагерь². Так она «узнала» о смерти сына.

Хоронили Павлушу в холодный мартовский день. Траурная процессия прошла через весь город, его школьные и студенческие товарищи несли гроб всю дорогу на руках. Похоронили рядом с могилой его университетского товарища, от которого он и заразился туберкулёзом. В газетах были опубликованы траурные сообщения о смерти Павла Скафтымова, выражалось сочувствие Александру Павловичу, а в его дневнике появилось последнее письмо Ольге Александровне.

Дневник Александра Павловича трудно читать, еще труднее о нём писать... Тут и чувство вины – не спас сына, вины перед его матерью, которой он даже не имел права рассказать о драме, стремительно развивавшейся в их семье. Ощущение полной беспомощности при осознании неизбежности трагической развязки.

В дневнике живут три человека: Ольга Александровна незримо присутствует рядом с мужем и сыном. Ей адресованы неотправленные письма, но были и другие, в которых была «святая ложь». Об Ольге Александровне писал Александр Павлович как о «самой дорогой, нежной и величайшей святыне» его души. Но она была далеко и ничего не знала. Её щадили, но оба были уверены, что если бы она была с ними, то «дала бы сыну здоровье».

Об этом оба «молча думали..., но боялись говорить... Так прорывались отдельные намёки... оба их понимали, но говорить» о

ней, «далёкой, недоступной», «не могли...». Говорить о ней они не разрешали себе: «Нам нельзя было. Слишком это больно обоим. Надо было твой образ держать всеми силами в «нижнем этаже». И мы в разговоре как-то молча обходили это болезненное место».

«Больных мест» в разговоре отца с сыном было много и их «обходили». Александр Павлович называл это «двойным существованием». Отец понимает безысходность положения сына, но скрывает это от него, а тот знает не только правду о своём состоянии, но и то, что и отец это знает, но тоже скрывает от него. Эта «страшная игра» происходит постоянно, и невольно возникает второй план в разговорах, усиливающий трагизм происходящего.

Какими душевными силами надо было обладать обоим! И как надо было любить друг друга, чтобы говорить о болезни и делать вид, что будто им и не страшно, будто она не их и завтра они её забудут...

Нельзя без содрогания читать такие строчки: «Сидим, бывало, на камушке (в Ялте. — К. П.), вдруг он ко мне прижался — руку мою возьмёт, по своей щеке водит, трётся мне головой о грудь и плечо, поцеловать боится и мне целовать себя не велит». Или: «Бегу к нему, сердце стучит, жадно глажу, жадно (но внешне спокойно, будто равнодушно) спрашиваю температуру. Температура по-прежнему высокая, а мне будто это пустяки...». И после этого: «Ухожу, и остаёмся опять он один и я один».

А что же Павлуша? Принял условия этой «страшной игры» в «двойственность»? «Внешне он всегда ровный, говорит о своей болезни, как будто она не его, а какая-то посторонняя, и он ей посторонний». Но это внешне, отец знает, что «внутри у него болит, болит», он знает и чувствует, видит «по его доброй, милой, нежной и жалостливой» (к себе и к отцу) улыбке. Внешне он будто не страдает, но «кротость его улыбки говорит, как он несчастен». «Мальчик, мальчик. Откуда у тебя маленького столько деликатности, сдержанности, внутренней глубокой понятливости?», — мысленно спрашивает Александр Павлович сына после очередного, как обоим казалось, «удачного» ухода от жестокой правды.

В свою очередь, Павлуша говорит отцу: «А ты всё-таки Ермолай». Почему Ермолай? Лопехин из чеховского «Вишнёвого сада»? Почему Павлуша психологически сближает отца с литературным героем и именно с Лопехиным? Видимо, ответ надо искать в исследованиях Александра Павловича о Чехове, где идёт речь о сложности внутреннего мира человека с «тонкой, нежной душой».

Надо сказать, что часто предметом семейных обсуждений у Скафтымовых было что-то из творческих замыслов Александра Павловича, судьбы литературных героев, их место в реальной жизни. Некоторые персонажи постепенно приобретали образы живых людей и органически входили в сознание членов семьи. Павлуша неизменно участвовал в этих беседах и, вероятно, немало из них для себя извлёк. Вспоминаются мне и традиционные воскресные прогулки на Соколовую гору моего папы с Александром Павловичем. Они брали с собой и детей — меня со старшей сестрой Мурой и Павлушу. Конечно, в серьёзных разговорах взрослых мы участия не принимали, но нам всегда уделялось внимание, и поводов для привлечения нас к обсуждению интересных проблем было много. Может быть, и об Ермолае и ему *подобных* в литературе и жизни рассуждали?

«Неотправленные письма» отличаются друг от друга и по объёму, и по тональности, но все они пронизаны ощущением необыкновенной духовной близости отца и сына, когда взаимопонимание настолько глубоко, что не требует слов и объяснений. Особенно это проявилось в экстремальной ситуации, в которой они оказались.

Щемящее чувство тоски, душевной боли, страха в записях Александра Павловича сливается с необыкновенно трогательными, нежными обращениями к сыну. Восемнадцатилетний юноша для отца — «маленький мальчик», «друг мой незаменимый», «Павлушенька», «мальчик мой милый, мартышик дорогой», из его детства всплыло домашнее прозвище «ямкин-ямкин» — у него и у его мамы при улыбке на щеках возникали ямочки. (О ямочках на щеках у Ольги Александровны Александр Павлович вспоминает в дневнике 1916 г.). А вот «братик мой маленький» пришел из сказки, которую рассказывал Александр Павлович сыну на ночь.

А начинается она так: «Жили-были три братика...». На протяжении всего дневника в полном или сокращенном варианте этот зачин появляется много раз. Незадолго до смерти Павлуша сказал отцу: «Хотелось мне поправиться, чтобы пожить хоть немножко с братиками, но, видно, не судьба».

Заканчивается дневник последним письмом Ольге Александровне, написанным уже после смерти Павлуши. Всего 10 строк, но в них страшный приговор, который Александр Павлович вынес себе сам. Слишком жесток был удар, нанесенный ему судьбой. Единственный человек, который мог бы ему помочь, — жена — слишком далеко от него, а сам он не может решить: что ему теперь делать со своей жизнью?

Его самые близкие друзья — Е. Т. Павловский, Е. И. Покусаев и А. П. Медведев понимали возможность трагической развязки и прилагали все усилия, чтобы её предотвратить. Они не оставляли его в эти дни одного ни на один час, бесконечно бродили с ним по городу, о чём-то всё время беседовали. Очень много времени Александр Павлович проводил в нашем доме, и папа убеждал его в необходимости поехать к Ольге Александровне и самому рассказать ей то, о чём он писал в неотправленных письмах.

Александр Павлович принял это решение, но лишь через два месяца, пройдя через множество официальных преград. Он вместе с матерью Ольги Александровны Юлией Михайловной выехал в Караганду, месту ссылки жены. Необходимость дневника исчезла, и как происходила эта встреча, знали только трое.

Благодаря таланту автора дневника реальный жизненный материал, глубоко трагический в своей сути и предельно интимный по содержанию, придаёт этому документу высочайшую художественную и историче-

скую ценность. В нём есть сюжет, конфликтные ситуации, герои — реальные люди, определяющие свою тему и её драматическое развитие, но, главное, в нём есть Время и Личность автора; личность широко известная в литературном мире, никогда не раскрывавшаяся с такой полнотой в своей, вероятно, самой главной человеческой сущности. Здесь вы не найдёте Александра Павловича Скафтымова — учёного, педагога (об этом уже много написано), но вы узнаете его как Отца и Мужа, вы увидите его таким, каким он был в самые тяжелые, мучительные времена, каким его знали только очень близкие ему люди, друзья семьи.

Примечания

¹ Цит. по тексту справки № 103483 от 26 апреля 1939 г., выданной О. А. Скафтымовой начальником управления Карлага НКВД (осуждена 15 сентября 1935 г., начало срока — 13 марта 1935 г.).

Сохранился маленький листок из блокнота О. А. Скафтымовой с датами и маршрутом её поездки из тюрьмы до места ссылки: «6 / X уехали Погорелова и Заболотнова» (осужденные вместе с Ольгой Александровной преподаватели кафедры иностранных языков пединститута. — *К.П.*). 7 / X приговор. 10 / X перевели в I корпус <тюрьмы>. 12 / X свидание и Вера Абрамовна. 17 / X баня. 18 / X кино «Бомбист». Ужасно!!! 21 / X и 22 / X были на швейке. 22 / X взяты на этап, баня, спали на стульях. 23 / X амбулатория. последнее свидание. Кошмары. Ночь. 24 / X круг, шествие. берег. 25 / X выезд из Саратова на «Ломоносове» (волжский пароход. — *К.П.*). 26 / X Вольск. 28 / X Съзрань, 10 км. пешком, баня, посадка в поезд. 29 / X Батраки, Самара. 31 / X Уфа, 3 старухи, обмороки. 1 / XI Урал. Горные хребты. 2 / XI Челябинск, ушла Вера Абрамовна. 4 / XI стоянка в Кургане. сутки. 5 / XI Петропавловск, тюрьма. автомобилем. 6, 7, 8 / XI. 35 г. С 8 — параша. Ночь. чистка картофеля по 2 пуда на человека. 9 / XI баня на берегу Ишима. Кругом степь, часовые у ворот, в камере тепло».

2 сентября 1959 г. Саратовским областным судом О.А. Скафтымовой была выдана справка № 31ж377 о том, что «постановление Особого совещания НКВД СССР от 15 сентября 1935 года отменено, и дело в отношении Скафтымовой О. А. прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений».

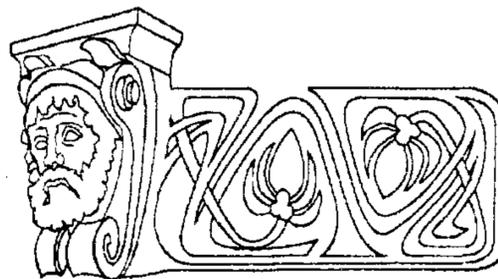
² Рассказ об этом страшном эпизоде был услышан мной от самой Ольги Александровны после её возвращения из ссылки.

УДК 882-6+929[Скафтымов+Чуприна]

ПИСЬМО А. П. СКАФТЫМОВА к И. В. ЧУПРИНЕ

Е.И. Криничка

Имя Александра Павловича Скафтымова широко известно в нашей стране и за рубежом. У него было очень много учеников, и

многие из них опубликовали воспоминания о нем. Его очень любили. Однако о жизни его известно далеко не все. Знавшие профессора